

К столетию со дня рождения М.В. Воробьёва

Трудно поверить, что М.В. Воробьёву в этом году исполнилось бы 100 лет. Наверно, потому что столетие воспринимаешь как очень большой срок — век, эпоху — и осознать это сложно. Мне очень повезло, что я лично знала Михаила Васильевича, когда училась в аспирантуре Института археологии РАН, была второй (и последней) его аспиранткой после С.Н. Гончарова. Выстроенные между нами тёплые отношения продолжались до конца его жизни, а общение с Галиной Александровной Соколовой, женой М.В. Воробьёва, не прерывалось ещё долгие годы. У меня хранятся письма Галины Александровны и её стихи, которые она посвятила своему мужу. Очень хочется поделиться этими уже реликвиями, но об этом позже.

(21.04.1922—05.10.1995)

Михаил Васильевич Воробьёв родился 21 апреля 1922 г. в Петрограде. Его родители в молодые годы приехали из Тверской губернии. Отец и дядя работали поварами при императорском дворе. Об этом в семье рассказывали уважительно, показывая несколько памятных столовых приборов с императорскими вензелями и маленьких размеров чугунные сковородки для блинов. Последние использовались по определённым праздникам: в них по тем самым старым рецептам выпекались блины на опаре. Вообще бывать у них в гостях было приятно и очень интересно. В их квартире на Большой Морской время как будто остановилось в тех далёких годах — в начале XX столетия. Вся обстановка сразу погружала в мир старого Петербурга, а большой зелёный абажур, переживший не одно десятилетие, просто очаровывал. Высокие стеллажи с книгами и рабочий письменный стол у окна, заполненный аккуратно уложенными папками, являлись центром внутреннего мира этой семьи. Там всё было подчинено в полном смысле большой науке.

Интересно складывалась судьба Михаила Васильевича: родившись почти сразу после революции, в 1940 г. он, закончив школу, был призван в армию, но сразу же был освобождён от службы по состоянию здоровья. Летом 1941 г. он поступил на японское отделение Восточного факультета ЛГУ, а уже осенью Михаил Васильевич становится бойцом взвода противовоздушной обороны, затем — бойцом рабочего батальона народного ополчения. Учёба в университете началась в блокаду, зимой 1941—1942 гг., но уже в феврале 1942 г. ЛГУ был эвакуирован в г. Саратов. Михаил Васильевич остался

в блокадном Ленинграде, окончил курсы бухгалтеров, с мая 1942 г. начал трудиться в Статистическом управлении города, где был занят «обработкой материалов смертности». В июне 1943 г. он был призван рядовым в армию и участвовал в боях за снятие блокады Ленинграда, где получил тяжёлое ранение. И уже после госпиталя работал на базе Порккала-Удд под Хельсинки. В 1945 г. он был демобилизован и с декабря возобновил учёбу в университете, который окончил в 1950 г., защитив диплом по теме «Разложение первобытно-общинного строя и создание феодального государства в Японии (реформы Тайка и их последующее развитие)». Михаил Васильевич получил диплом по специальности «японист-историк» и был рекомендован в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР. В годы учёбы в аспирантуре М.В. Воробьёв дополнительно изучает французский, немецкий, а также несколько азиатских языков и становится редким специалистом, способным работать с японскими, китайскими и корейскими первоисточниками. В тот же период он начинает ездить в археологические экспедиции на Ангару, в Забайкалье и Приморье под руководством А.П. Окладникова, который ясно осознавал необходимость участия в исследованиях на Дальнем Востоке востоковедов.

В 1953 г. Михаил Васильевич успешно защищает кандидатскую диссертацию по теме «Каменный век стран Японского моря», а в 1954 г. становится младшим научным сотрудником сектора палеолита Института истории материальной культуры. В это же время А.П. Окладников создаёт Дальневосточную археологическую экспедицию, в состав которой включает и М.В. Воробьёва. В записке «Об организации группы истории, археологии и этнографии при ДВ ФАН СССР», составленной по поручению С.В. Киселёва 22 ноября 1953 г., А.П. Окладников писал: «В настоящее время мы располагаем уже одним квалифицированным специалистом по археологии Дальнего Востока, владеющим восточными языками, в лице М.В. ВОРОБЬЕВА, окончившего аспирантуру ИИМК».

Это, наверно, и стало той отправной точкой, с которой М.В. Воробьёв начинает новое направление в науке, связанное с дальневосточным Средневековьем, — чжурчженеведение. Он приступает к самостоятельным раскопкам Красноярского городища, исследование которого как начальник отряда проводил в 1956, 1958, 1960 гг. Его полевые отчёты наглядно доказывают, что методика археологических исследований, заложенная А.П. Окладниковым, была полностью освоена его учеником. По результатам исследований на Красноярском городище М.В. Воробьёв публикует несколько научных статей, которые до сих пор не потеряли своей ценности для научного сообщества.

Несмотря на огромную занятость полевой археологией в то время, Михаил Васильевич выпускает две монографии: «Древняя Япония» (М., 1958) и «Древняя Корея» (М., 1961), которые являются актуальными до сих пор. А на момент своего выхода эти книги были очень важны, поскольку тогда начались широкомасштабные археологические работы на Дальнем Востоке и любые научные сведения из соседних регионов были необходимы для этих исследований. М.В. Воробьёв был учёным, который мог использовать в своей работе источники и литературу на восточных языках, связывая всё это с археологическими данными.

Все, кто знал Михаила Васильевича, описывали его как строгого принципиального человека. На работе большое количество времени он проводил в библиотеке, внимательно изучая новую научную литературу. Присущие ему строгость, собранность, внутренняя уравновешенность, умение всегда держать себя в руках выделяли его среди других сотрудников, а в экспедициях вызывала улыбку его белая детская панамка. Его честность проявлялась в общественной работе. Он дважды избирался народным заседателем районного суда 1-го участка Дзержинского района г. Ленинграда. Как член профсоюза, М.В. Воробьёв вступил в конфликт с руководством Института при распределении квартир среди сотрудников. В итоге он не был аттестован на должность научного сотрудника на новый срок и в феврале 1963 г. был уволен из ИИМК «за серьёзные ошибки, допущенные в профсоюзной работе». Однако заведующий Ленинградским отделением ИА СССР Б.Б. Пиотровский подписал характеристику М.В. Воробьёву, в которой было указано, что последний был уволен «в связи с истечением срока работы, установленного законодательством о конкурсах».

Два года М.В. Воробьёв жил техническими переводами с японского языка, а затем по настоянию академика В.В. Струве 15 февраля 1965 г. поступил в сектор Древнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, где трудился до смерти, т.е. 30 лет, начав с должности младшего научного сотрудника и дойдя до ведущего научного сотрудника.

Сам Михаил Васильевич об этом не рассказывал. Когда однажды был начат разговор о причинах его перехода в Институт востоковедения, он объяснил это просто: прекращались экспедиции на Дальний Восток и перед ним встал выбор, чем заниматься. Войдя в здание на Дворцовой набережной, 18, где находились два института, он остановился перед большой лестницей в раздумье: «Идти направо или налево?» Была выбрана правая сторона, т.е. Институт востоковедения. Там М.В. Воробьёв работал над двумя основными темами — история и культура чжурчжэней и государства Цзинь и древняя история Японии и Кореи. Он становится активным членом Географического общества, заместителем бюро секции этнографии.

Все знавшие его подчёркивали, что для исследований Михаила Васильевича было характерно пристальное внимание к этнической истории и этносам, возможно, вызванное многолетней дружбой с Л.Н. Гумилёвым. О близких отношениях с последним он много рассказывал, вспоминал о похоронах А.А. Ахматовой, когда они вдвоём со Львом Николаевичем несли её гроб, и гордился томиком стихов с автографом Анны Андреевны.

В своих работах М.В. Воробьёв пытался дать упорядоченную идентификацию большому числу этносов дальневосточного региона. Его системный подход к этнической истории создал основу для решения проблем древней и средневековой истории Дальнего Востока, а вывод на историческую арену чжурчжэней «открыл качественно новый этап в истории тунгусо-маньчжурской народности». В 1972 г. М.В. Воробьёв защищает докторскую диссертацию на тему «Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.)», которая состояла из четырёх томов. В дальнейшем эти материалы были переработаны в две монографии «Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.)» (М., 1975) и «Культура чжурчжэней и государства Цзинь» (М., 1983). Это действительно

капитальные труды, без ссылок на которые не обходится ни одна работа, связанная с археологией Дальнего Востока. Фундаментальность монографий поражает и восхищает. Эти работы заслуживали того, чтобы быть отмеченными высокими наградами Академии наук. Но, наверное, скромность Михаила Васильевича и служение науке не вызывали у автора желания доказать их значимость. Время расставляет всё на свои места, поэтому научный вклад М.В. Воробьёва до сих пор высоко оценивается специалистами. Им написано десять монографий: «Древняя Япония» (М., 1958); «Древняя Корея» (М., 1961); «Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.)» (М., 1975); «Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии» (М., 1976, в соавторстве с Г.А. Соколовой); «Япония в III—V вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир» (М., 1980); «Культура чжурчжэней и государства Цзинь» (М., 1983); «Японский кодекс „Тайхо Ёро рё“ (VIII в.) и право раннего средневековья» (М., 1990); «Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времён до IX в. включительно)» (Владивосток, 1994); «Корея до второй трети VII века. Этнос, общество, культура и окружающий мир» (СПб., 1997); «Очерки культуры Кореи» (СПб., 2002). В данных работах предмет исследования всегда вписан в окружающий мир и мировую историю, и это подтверждается наличием карт, указателями событий, генеалогическими и синхроническими таблицами. Монография 1997 г. вышла после смерти М.В. Воробьёва. Его жена писала: «У меня дома есть рукопись „Культура Кореи“, 250 страниц. Я веду переговоры с издательством, в котором публиковала некоторые свои стихи, но пока заминка с деньгами». Центр «Петербургское Востоковедение» издал эту книгу, но, к сожалению, работа над указателями не была проведена, и они оказались без ссылок на страницы монографии. Хотя эта досадная ошибка ни в коей мере не умаляет значимость работы.

Научные труды М.В. Воробьёва являются наглядным примером соединения двух трудоёмких научных направлений: классического востоковедения, работающего с письменными источниками, и археологии, опирающейся на источники вещественные. Такое сочетание способствовало развитию как дальневосточной археологии, так и востоковедения. Но и здесь хотелось бы подчеркнуть, что и личные качества Михаила Васильевича: непредвзятый подход к научной работе, умение глубоко анализировать исторические явления, знание не только восточных языков, но и истории и археологии — привели к открытиям мирового уровня.

Ставя перед собой исследовательские задачи, Михаил Васильевич прекрасно ориентировался в том, где не были заполнены научные ниши. Ещё в начале 1990-х гг. он собирался сделать работу о Корее до образования государства Бохай, считая, что в направлении исследования Бохая уже много сделал Э.В. Шавкунов. Так он планировал заполнить научный вакуум в средневековом корееведении.

Можно много написать о М.В. Воробьёве — крупном учёном-востоковеде, незаурядной фигуре как по своим личным качествам, так и по способам и методике научного исследования, но под конец хотелось бы вспомнить личные впечатления. Работая над своей диссертацией, приезжая в Ленинград из Москвы, я всегда знала, что в семье Воробьёвых меня примут тепло, потому что там царил совершенно особая атмосфера. Михаил Васильевич

с большим интересом расспрашивал о всех владивостокских археологических делах, а когда в 1995 г. узнал, что я начинаю работать на Красноярском городище, очень ждал от меня вестей, давал ценные советы. Помню его наставления: если сравниваешь находки, обязательно нужно приводить их рисунки рядом, чтобы ваш оппонент смог сам увидеть сходство или различие. А его жена, Галина Александровна, всегда старалась отправить нас на какую-нибудь новую выставку. Михаил Васильевич привёз свою жену из Иркутска, познакомившись там с ней во время экспедиции. Галина Александровна писала: «Михаил, конечно, был рыцарем, в том лучшем понимании, которое укрепилось за ними, но я не выношу сам дух военщины, поэтому подчёркиваю мысль о том, что он среди тех, кто в науке велик. Может быть, неясно сказано. Стихи заносят». После ухода Михаила Васильевича из жизни Галина Александровна написала два стихотворения, посвящённые своему мужу, которые остались неопубликованными. Она отдала их мне, и очень хочется, чтобы они увидели свет в память о большом учёном.

* * *

Отслужила солдатская кружка
Свой суровый и пламенный век.
Как его боевая подружка,
Слёзы льёт, что ушёл человек.

Это всё, что военной тропой
Он принёс с той далёкой войны.
Только часто ночью порою
Видел он окаянные сны.

Но война его так закалила,
Что из голода, крови и мук
Родилась в нём душевная сила —
Жажда знаний, развития наук.

Не на поле, как рыцарь с забралом, —
Среди моря работы и книг
Стал он очень большим генералом
Среди тех, кто в науке велик.

И не голод, войну и лишение —
Он принёс нам непознанный мир:
Книги, знанья, его изученье
И науки роскошнейший пир.

Та наука не жизни съедает,
Хотя много в ней глав о войне.
Людям всем она мир открывает,
Где есть место любви и весне.

* * *

Глаза так много выражали,
Могли без слов всё-всё сказать
О чувствах горя и печали
И нежно, радостно ласкать.

Они цвели, как незабудки,
Среди других цветов в лугу,
Когда шумели смех и шутки
В весёлом, дружеском кругу.

Они немало испытали
И тихой неги, и огня,
Мою дорогу освещали
(но это только для меня).

Они стальными становились,
Когда гражданский долг их звал,
Слова такие говорились,
Которые народ терял.

Блокаду, битвы отражали
Его отважные глаза
И некогда не отступали
Там, где лишь пепел и гроза.

Ему — солдату, гражданину —
На той ужаснейшей войне
Противник перебросил мину,
Оставив раны на спине.

В такое время он родился,
Что был порой почти жесток,
Но меж дипломов сохранился
Давно дарённый мне цветок.

Когда писал под абажуром,
Книг было много на столе,
В его глазах, в раздумье хмуром
Все были судьбы на Земле.

Его назвали Михаилом
В честь князя из семьи царей,
Не состоял в родстве унылом
Он с кем-нибудь из тех людей.

На кухне в доме с вензелями
С кастрюлей путь его отца,
А сын с научными трудами
Прошёл свой путь там до конца.

В нём были ум и благородство,
Которым и сравненья нет,
Искать эпитеты и сходство
Не станет ни один поэт.

Уже не раз перекрошили
Все войны на Земле своей,
Щитом труды учёных были,
Они источник новых дней.

Распалось наше государство,
Жизнь человека — просто миг.
Но вечно подлинное царство
Ума, работы, мыслей, книг!

Всё не сказать, я это знаю,
Всех дум и чувств не изложить,
Но я, как он, всем-всем желаю
Свободно и счастливо жить!

Н.Г. Артемьева,
канд. ист. наук, зав. сектором средневе-
ковой археологии ИИАЭ ДВО РАН